

Посвящается памяти моей любимой мамы Елизаветы Эмануиловны Лойтер

М.И.Ковальская (Френкель)

Вспоминая прошлое

Моя мама

Тот день был чем-то праздничным отмечен
В ряду однообразных серых дней:
Ноябрь, восьмое, музыкальный вечер,
Рояль на сцене, яркий блеск огней.
И в тишине легко, без напряженья
Спокойный голос лектора звучал.
Ни шороха, ни вздоха, ни движенья;
Зал только слушал. Слушал – и молчал.
И время, и пространство исчезали.
Вдаль отступал холодный камень стен.
Казалось, были рядом в этом зале
Тоскующий по родине Шопен
И бурный Лист, романтик беспокойный.
Звенел рояль, и лился Ваш рассказ –
И образы их складывались стройно
Из ярких слов и музыкальных фраз.
Едва к холодным клавишам рояля
Вы прикасались быстрою рукой –
И клавиши, казалось, оживали:
Звенели смехом, плакали с тоской.
За Вашими волшебными руками
Следил весь зал, дыханье затаив.
И клавиши, смеясь и плача, сами
Сливались в опьяняющий мотив.
И кто тогда услышал эти звуки,
Кого увлек волнующий рассказ,
Кто в этот вечер видел Ваши руки,
Тот никогда не позабудет Вас!

Это стихотворение в красиво оформленной папке вручили моей маме Елизавете Эмануиловне Лойтер пермские (тогда молотовские) студенты, сопроводив его следующей подписью: «Посвящается Е.Э.Лойтер. От благодарных слушателей – студентов Молотовского университета. Ноябрь 1946 года».

В пропаганде музыки и приобщении к ней многих тысяч слушателей мама прокладывала новаторский путь, сочетая прекрасное лекторское мастерство с пианистическим дарованием. Ее артистизм, способность донести до каждого слушателя тончайшие нюансы музыки привлекали к ней самых разных людей. Об этом свидетельствуют записки, письма, стихи, газетные вырезки, в огромном количестве хранящиеся в мамином архиве.

Многогранность натуры Е.Лойтер проявлялась и в ее человеческих качествах – в умении выслушать, поддержать в трудную минуту, разделить горе и радость другого.

Музыкальные способности проявились у Лизы Лойтер, девочки из многодетной семьи бедного житомирского бухгалтера-инвалида, очень рано. Игре на рояле она начала учиться в музыкальной студии Дома просвещения. Чтобы помочь семье, Лиза в 14 лет уже работала в качестве музыкального иллюстратора в кинотеатре гарнизонного госпиталя.

В 1924 году одаренная девушка поступила в Московскую консерваторию. По классу фортепиано ей выпало счастье заниматься у Генриха Густавовича Нейгауза, считавшего ее одной из лучших своих учениц. Еще во время учебы она стала лектором при концертном бюро МК ВЛКСМ и преподавателем Вечерней рабочей консерватории. В 1935 году она окончила аспирантуру по кафедре истории музыки, а в 1937 г. – по исполнительскому факультету под руководством Нейгауза.

С 1932 года она начала работать в Московской государственной филармонии. Здесь прошло более сорока лет ее творческой деятельности. В довоенное десятилетие она участвовала в многочисленных гастрольных поездках как пианистка. Особо хочется упомянуть о поездке группы музыкантов (пианистка Лойтер, арфистка Дулова и скрипачка Уманская) зимой 1936 года на Крайний Север. Газета «Советская Сибирь» от 22 февраля сообщала о приезде «замечательных музыкантов, впервые открывших дорогу в Нарым настоящему большому искусству... Все трое выступали раньше в крупнейших городах страны. Но сейчас они страстно радуются этой встрече. Как слушают! Как великолепно слушают! В зале никто не шелохнется!». В тот же период Елизавета Лойтер выступала и как лектор. Многим запомнились ее лекции в Москве, Ленинграде и других городах, предварявшие выступления ведущих симфонических оркестров страны.

Наряду с исполнительской и лекторской деятельностью в конце 30-х годов началось сотрудничество мамы с замечательным актером Владимиром Николаевичем Яхонтовым. Познакомились они в 1938 году во время поездки концертной группы на Черноморский флот. По приезде в Москву началась их совместная работа над композициями, в которых Лойтер стала равноправным

соавтором. Яхонтов, считавший музыку важнейшей составной частью композиций, писал: «Мой спектакль рождался из слова и музыки. Музыка помогала мне облекать в плоть мое актерское намерение...». Выступления любимых артистов публика всегда встречала восторженно, зрительные залы были переполнены.

С началом Великой Отечественной войны пути Лойтер и Яхонтова на время разошлись. Владимир Николаевич концертировал по Уралу и Сибири. Все средства от концертов он передал на изготовление танка «Владимир Маяковский», который дошел до Берлина. Мама в июле 1941 г. сопровождала детей писателей (среди них была и я) в эвакуацию в городок Чистополь в Татарии. Несколько месяцев она работала там воспитательницей в интернате. Однако спокойная жизнь вдали от событий на фронте была не в ее характере. Вскоре она вернулась в Москву, где в то время формировались фронтовые концертные бригады, в составе которых она вскоре уже выступала на кораблях Северного флота, на Западном фронте, в прифронтовых госпиталях, в блокадном Ленинграде. Известная певица Ирма Петровна Яунзем писала о том времени: «Вспоминаю поездку в осажденный Ленинград. Дни блокады, фронт, передвижения под бомбежкой, артобстрелом. Было страшно? Конечно было! Но Лиза всегда приветливая, веселая, бодрая, своим талантом, мастерством, артистизмом вдохновляла героических защитников Ленинграда и получала самую горячую благодарность и признательность». В Ленинграде в феврале 1943 г. вновь произошла встреча Яхонтова и Лойтер, и начались их совместные выступления. Мама с большим волнением рассказывала об этих днях: «Особенно запомнился день прорыва блокады. На площади и улицы вышли все, у кого хватило сил. Черная тарелка репродуктора, из которого так часто неслись сигналы воздушной тревоги или предупреждения об артобстреле, неожиданно загремела этюдом Листа... И тут же на улице, развернув свежий номер «Ленинградской правды», Яхонтов на фоне звучащей музыки начал читать собравшимся вокруг него очерк Ольги Берггольц: « В Ленинграде тихо. Это так удивительно, так хорошо, что минутами не верилось. Даже закаленные в немислимых испытаниях ленинградцы вытирали слезы». Этот экспромт вошел позднее под названием «Тост за Ленинград» как центральная часть композиции «Тост за жизнь», над которой Яхонтов и Лойтер начали тогда работать. В дни пребывания в Ленинграде состоялось их выступление в одном из госпиталей. В палату, где был организован концерт, вошла группа ослепших бойцов с повязками на глазах: впереди медсестра, на ее плечах – руки раненого, на его плечах – руки следующего, и так – вся длинная цепочка. Во время концерта передают записку: «Тов. Яхонтов, бойцы-рязанцы просят прочитать стихи их земляка Сергея Есенина». Яхонтов читает. Успех огромный. Артист решает, что надо срочно делать программу, посвященную Есенину. Его мысль о том, что лучшее в Есенине – из русской песни и русской сказки, подсказала маме музыкальную основу композиции – «Сказки старой бабушки» С.Прокофьева.

В последние недели войны и первые послевоенные недели продолжалась напряженная работа над новыми композициями: «Александр Блок», где звучал Скрябин, «Настасья Филипповна», «Времена года» со стихами Пушкина и музыкой Чайковского. В мае 1945 г. состоялась премьера моноспектакля «Горе от ума», к которому мама сумела подобрать на удивление созвучные Грибоедову ранние произведения Прокофьева. Выступления Яхонтова с Лойтер проходили с огромным успехом. Однако артист был уже тяжело болен – развивалась депрессия. Она усугублялась непризнанием его новаторства и несравненного актерского таланта чиновниками от искусства. 16 июля 1945 года Яхонтов покончил с собой.

Е.Э.Лойтер была морально очень сильным человеком. Пережив тяжелую боль утраты, она сумела вернуться к своему любимому делу – к лекциям-концертам. В последнее двадцатилетие своей жизни ее талант развернулся с особой силой. Она успешно выступала в «Университетах музыкальной культуры» (завода им. Лихачева, заводов «Компрессор», «Калибр», в Академии им. Жуковского, в библиотеке им. Ленина, у студентов МГУ, МАИ, МИИТ и др.). На эти выступления горячо откликалась аудитория. Свидетельство тому – многочисленные записки слушателей. К примеру, пишут студенты МГУ: «Ваши лекции прекрасны. Очень-очень благодарим Вас за них... Будем рады еще и еще слушать Вас». В качестве члена Союза советских композиторов Лойтер часто выступала с лекциями о советской музыке и выдающихся музыкантах. Откликом на подобные выступления явилась, например, записка врачей из Ялты, где говорилось о цикле выступлений Лойтер как о «настоящем празднике, приобщившем слушателей к новой нашей музыке».

В последние годы жизни мама, уже тяжело больная, не могла работать так интенсивно, как раньше, но не оставляла творческую деятельность. Тогда были написаны книги для детей о композиторах А.Пахмутовой и Ан.Александрове и подготовлено несколько детских радиопередач: о композиторах-классиках, музыкальных жанрах, советской песне и др. Интереснейшая статья о работе Лойтер с Яхонтовым была опубликована в журнале «Советская музыка» №1 за 1972 год. Яхонтову была также посвящена большая радиопередача.

Летом 1973 г. мама находилась в Доме творчества композиторов «Руза». Всего за несколько недель до смерти она выступала с лекцией-концертом в санатории «Дорохово», находившемся поблизости от «Рузы». Она умерла 1 ноября 1973 года. Вскоре я получила письмо от известного историка М.Я.Гефтера, с которым они подружились в «Рузе». Выражая свое соболезнование, он, в частности, писал: «Мне очень нравилась Ваша мама. У многих из нас как-то стерлись краски того времени, когда мы были молодыми, и краски были свежие и яркие. Ваша мама владела тайной сохранения их чистыми, подлинными. Она ни капельки не молодилась, но была юной духом, восприятием, естественным равнодушием к жизни, к людям, к любимой – старой и новой – музыке. Может быть, поэтому она так мужественно справлялась с недугами».

Дом на Плющихе

В 1931 году моя мама с новорожденной дочкой, то есть со мной, вселилась в московскую квартиру на улице Плющиха (дом 53, квартира 26), хозяином которой был отец моего отца Лев Яковлевич Френкель. Дом этот был построен в начале 20-го века для работников завода «Каучук». Дедушка был первым директором этого завода, поэтому он мог выбрать для своей семьи любую квартиру в этом доме. И он «выбрал» одну из худших – окнами на закрытый, покрытый асфальтом двор. Все окна выходили на подъезды трех продовольственных магазинов. С 4-5 часов утра жильцы могли «наслаждаться» шумами, производимыми при выгрузке продуктов, включая и отборный мат. Солнца у нас в квартире не бывало никогда. Однако в те времена люди, в том числе и наша семья, относились к бытовым трудностям гораздо легче, чем теперь.

Итак, моя жизнь началась в 4-х комнатной квартире с весьма сложным конгломератом жильцов. В одну комнату мой папа поэт Илья Френкель поселил семейную пару своих друзей – дядю Васю и Симу Мельниковых. Жили мы с ними очень дружно, как с близкими родственниками. Когда началась война, дядя Вася ушел на фронт и вскоре погиб. Сима же уехала с частью завода «Каучук» в эвакуацию в Сибирь и навсегда осталась там, как и часть завода.

Малюсенькую прикухонную комнатку дедушка подарил своей бывшей домработнице Елене Васильевне Мальцевой. Это была очень колоритная фигура. Несмотря на то, что она прожила в Москве много десятков лет, цивилизация абсолютно не коснулась ее. У нее часто гостили родственники из деревни: племянница Мотя с ликом мадонны, ее сын Володя, ставший летчиком и впоследствии погибший в авиакатастрофе вместе с Московской футбольной командой «Крылья Советов».

Елена Васильевна называла меня Машуткой, приносила мне вкусные «подарочки» из детсада, где она работала поварихой во время войны. Остальных членов нашей семьи, кроме меня, она не жаловала, и вообще была довольно злобной и скандальной особой.

Сестра Софа

В комнате вместе с дедушкой жила Софа, дочка отца от первого брака. Она была старше меня на шесть лет. Дед взялся за ее воспитание при жестоком условии, что ее мать, Вера Яковлевна Павлюкова, проживавшая под Москвой в тяжелых материальных условиях, полностью устранилась из Софиной жизни. Это условие неукоснительно выполнялось долгие годы, даже после смерти деда в 1943 г., пока Софа, спустя несколько лет после окончания полиграфического института, не нашла мать, и та переехала к ней в комнату.

За это время Софа вышла замуж и родила сына Андрея. Взаимоотношения между Софой и ее матерью вскоре начали ухудшаться. Дошло до того, что Вере Яковлевне запретили общаться с Андрюшей. Конечно, здесь играл роль тот факт, что детство и юность Софы прошли без матери. Их мало что связывало. А жили они очень тесно (комната была не более 10 кв.м) – буквально друг у друга на голове. В конце концов семье Софиного мужа, в прошлом репрессированного, дали новую жилплощадь. А Вера Яковлевна осталась жить на Плющихе. Свои нерастраченные «бабушкинские» чувства она целиком отдала моей дочке Ире, которая в ответ очень сильно привязалась к «Яке», как она ее называла.

Мое довоенное детство

В отличие от Софы, страдавшей от чувства ревности по отношению ко мне, мое довоенное детство протекало безоблачно – в обычных девчачьих развлечениях и «заботах». Меня окружала компания подружек–соседак по нашему и близлежащим домам. Особенно тесно я дружила с Вилей Бренц (чей отец в то время был арестован, но поразительно, насколько эта сторона жизни мало затрагивала меня). Помню еще Ирошку и Гулю (их фамилии не остались в памяти). Подружки часто собирались у меня дома: играли в куклы и другие игры. Очень увлекались собиранием фантиков. При этом кто-то из подружек присваивал самые красивые обертки от конфет. А я уже тогда была конформисткой, и ни разу не решилась показать девочкам, что замечаю пропажи.

Больше всего времени мы проводили во дворе. Играли в прятки, салочки, «штандер»... Все это у меня получалось нормально, поэтому я не чувствовала себя хуже других. Иногда во дворе появлялись более взрослые мальчишки, которых мы, конечно, опасались. Одного из них отъявленного хулигана Юрку я почему-то помню до сих пор: он жил в нашем дворе в маленьком доме барачного типа.

Когда мы стали немного старше, нам разрешили гулять на «Девичке» (Девичьем поле), прекрасном сквере, расположенном против весьма странного длинного-длинного здания Военной академии им. Фрунзе. Рядом с Академией был расположен дом, где жили высшие офицеры – преподаватели этого учебного заведения. Когда я в 1939 г. пошла в 26-ю школу, расположенную вблизи Академии, со мной в одном классе оказались дети ее преподавателей, в частности, отпетая двоечница Рита Доватор, дочка прославленного генерала – кавалериста, погибшего на войне.

Война

Мне было девять лет, когда началась война. Мы жили на даче. Утром 22 июня приехала мама и сообщила эту новость. Моя реакция не сохранилась в памяти, но наверняка я должна была испугаться. Я в этом уверена, ибо еще

задолго до начала войны я, слушая дома разговоры на эту тему, впадала в панику. И каждый вечер перед сном повторяла, как заклинание, слова: «А вдруг война! А вдруг я умру!»

Спустя две недели мы, дети писателей, собрались во дворе Литфонда, откуда нас повезли на Казанский вокзал. Дальше – дорога в поезде до Казани, потом на пароходе до Берсута, дачного места вблизи города Чистополь (Татария). Перед глазами – широкая Кама. На высоком берегу – маленькие домики. Кругом лес. Место – дивной красоты! Но тогда мне было трудно это оценить. Зато до сегодняшнего дня остался в моей памяти, казалось бы, незначительный эпизод. Среди немногочисленных вещей, взятых мною из Москвы, был очень красивый маленький перочинный ножик. Он был особенно мне дорог, поскольку это был подарок от папы, который с первых дней войны находился на фронте. И вот ножик пропал. Вскоре стало известно, что его украла моя сверстница Света Колесникова. Больше я этот ножик не видела.

Отец на войне

Все, что было связано с папой, было для меня тогда святым. Волнение за его жизнь оставалось постоянным фоном моего существования во время войны. Первые два года он был корреспондентом газеты Южного фронта «Во славу Родины». Значительную часть своей фронтовой жизни он находился на передовой, тесно общаясь с бойцами. «Жизнь человека на смертной грани, – писал он, – надо было знать самому, чувствовать собственными клеточками и лишь тогда иметь право говорить о ней...»

В первые месяцы войны папа находился в Донбассе, и воевавшим там бойцам были посвящены самые пронзительные стихи того времени, в том числе «Давай закурим!». Со свойственным ему юмором и самоиронией отец рассказывал о вручении ему первого ордена Красной Звезды (в большой степени награда была за стихи «Давай закурим!»). Реагируя на вручение ордена, один из присутствовавших при этом раненый боец-артиллерист пробасил: «Маловато за такую песню: под нее наша батарея три танка сожгла!»

Чистополь

Между тем продолжалась наша жизнь в глубоком тылу. Из Берсута мы переехали в городок Чистополь, где был организован интернат для детей писателей. Первые месяцы пребывания там рядом со мной была мама, поэтому мне легче других было приспособиться к непривычным условиям существования. Мама работала воспитательницей в старшей группе девочек, среди которых были Наташа Чалая, Гада Шор, Мура Луговская и многие другие. Девочки очень любили маму, ласково называли ее Елэмчик. Дружба с воспитанницами продолжалась и после возвращения интерната в Москву.

Невзирая на нелегкие бытовые условия – регулярные перебои в подаче электричества, холод в помещениях и т.п. – мама не забывала свою профессию пианистки. Она многократно выступала в чистопольском культурном центре, Доме учителя. В воспоминаниях членов писательской колонии не раз встречаемся с рассказами об этих концертах. Так, драматург А.Гладков 22 декабря 1941 г. в своем дневнике писал: «От Б.Л.Пастернака я собираюсь в Дом учителя на концерт пианистки Лойтер. Пастернак идет со мной. На концерте в скудно освещенном маленькой керосиновой лампой зале все сидят в шубах и шапках. Холодище адский. Лойтер играет Баха, Бетховена, Листа, Чайковского. Пастернак слушает удивительно. Вместе со всеми аплодирует, потом идет за кулисы и целует руку пианистке...»

Мама занималась организацией нашей интернатской самодеятельности. В памяти остались поставленные ею своего рода небольшие спектакли по стихам Ильи Френкеля, приславшего с фронта поэму «Комсомольский саперный» и песню «Давай закурим!». Музыка к этой песне, сочиненную мамой, мои друзья по интернату до сих пор помнят и считают наилучшей из всех, написанных на эти стихи.

Вместе с профессиональной балериной Джеммой Васильевной Баркгаузен мама ставила нам различные танцы, среди которых наибольшим успехом пользовался революционный этюд на музыку Рахманинова. Я солировала в нем в ночной рубашке с алой лентой на голове. В нашей памяти он остался как «танец дохлой Маринки». Со своей самодеятельностью мы посещали госпиталь. Раненые очень радовались нашим концертам.

Мы все, девочки 10 – 11 лет, научились вязать на спицах. В основном вязали носки. Их посылали в подарок фронтовикам. Клубки шерсти служили нам и мячиками: они прекрасно отскакивали от деревянных стен.

Вспоминается забавный эпизод: гуляя по городу, мы, группа девочек, увидели нескольких мужчин в незнакомой военной форме. Мы тут же решили, что обнаружили шпионов и стали следить за ними. Не помню, как долго мы проявляли бдительность, но вскоре узнали от взрослых, что это – польские военнослужащие.

Мы ходили в городскую школу, где учились вместе с местными ребятами. Не помню, какие у нас были взаимоотношения, но осталась в памяти фраза, с которой эти ребята обращались к учительнице, когда им надо было выйти во время урока: «Я в уборную схожу-у?»

Я чувствовала себя в интернате вполне комфортно в большой мере потому, что у меня сложились прекрасные отношения с девочками-сверстницами Женей Скудиной, Аленой Дзюбинской, Ларисой Лейтес и другими. Все они остались на многие последующие годы моими близкими подругами. А что касается мальчиков нашего возраста, то таким успехом, как в интернате, я позднее никогда не пользовалась. Свидетельством тому был, в частности, подаренный мне (сунули под подушку) узелок с кусковым сахаром. Легко представить себе, какой это был в то время роскошный дар.

Нашу жизнь украшало присутствие в интернате Стасика Нейгауза, уже тогда прекрасного пианиста (ему было лет 16 – 17). После отбоя, поздними вечерами он играл на рояле в столовой, куда мы потихоньку пробирались, чтобы послушать его.

Я в Чистополе очень много и серьезно болела, часто лежала в изоляторе. В интернате с моей болезнью не могли справиться (это была дизентерия). Мама, уехавшая в начале 1942 г. в Москву, получив весте о моей болезни, в конце 1942 г. вернулась в Чистополь, чтобы увезти меня с собой. Эпопея возвращения в Москву была довольно тяжелой. Из Чистополя в Казань мы летели в самый разгар морозов на открытом самолете У-2. В Казани ночевали у незнакомых людей. Каждое утро мама со мной, совсем больной, тащилась пешком в аэропорт, но улететь не удавалось. В итоге мы поехали поездом. Конечно мама была отчаянно смелой: ведь у меня не было пропуска, чтобы въехать в Москву. На наше счастье, к решению проблемы подключился сосед по купе, какой-то высокий военный чин. По его предложению, при приближении к Москве перед проверкой пропусков меня спрятали на багажной полке за чемоданами. Таким образом, в конце 1942 г. я оказалась в Москве.

Военная Москва

Москва встретила нас очень сурово: дома развал, холод. В середине маминной комнаты – печка «буржуйка», в ванне – замерзшая вода. Приехавший вслед за нами на пару дней с фронта папа после теплой встречи обрушился на маму с упреками за то, что она привезла больного ребенка в суровые московские условия. Однако в те дни, когда всем кругом было нелегко, и мы с мамой сумели приспособиться и успешно справлялись с текущими трудностями.

В разгар учебного года я поступила в 4-й класс 110 школы, считавшейся в Москве одной из лучших. Школа действительно была очень хорошей, но мне там пришлось впервые пережить серьезную психологическую травму – столкнуться с жестоким детским антисемитизмом. Был у нас в классе мальчик по фамилии Беленький, над которым, как могли, изгалялись «продвинутые» московские детишки. Буквально с первого дня моего пребывания в школе, где я после чистопольской дружеской атмосферы чувствовала себя весьма неуютно, меня буквально потрясло издевательское отношение к этому мальчику.

Когда учительница в присутствии всего класса стала заполнять мои анкетные данные в журнале, у меня не хватило мужества назвать свою национальность. Я сказала, что я украинка, и все этому поверили. Однако осудила меня за малодушие моя одноклассница и подруга по интернату Ляля Розанова, причем сделала она это значительно позже, спустя несколько лет. Такое проявление слабости я мучительно переживала многие-многие годы. Однако это событие послужило мне хорошим уроком: больше ничего подобного со мной никогда не случалось.

Теплый дом

Особой страницей жизни в Москве после возвращения из Чистополя явилось мое пребывание в семье Анны Зиновьевны Стоновой. Наша дружба началась в Чистополе, а продолжилась и еще окрепла после возвращения в Москву. Зимой 1943 – 1944г., когда у нас дома на Плющихе было нестерпимо холодно, и я оставалась одна, так как мама уезжала на фронт с бригадами артистов, Анна Зиновьевна приглашала меня пожить у нее. Она с сыном Леней жила в доме писателей в Лаврушинском переулке, ее муж писатель Дмитрий Миронович Стонов был на фронте, и я спала в его кабинете. Все стены этой комнаты были заставлены книжными полками. Пожалуй, никогда я не читала так много, часто ночи напролет. Анна Зиновьевна относилась ко мне с такой теплотой и заботой, что проведенные в ее доме дни остались в моей памяти как одни из самых светлых в жизни.

Развод

Близилась к концу война и, казалось бы, налаживалась наша московская жизнь. Однако именно тогда на меня обрушилась беда, от которой я долго не могла оправиться – разрыв моих родителей. Началось с того, что до мамы дошла весть о том, что у отца во фронтовой редакции есть «ППЖ» (походно-полевая жена) – молодая корректорша Лена Шатилова. Какое-то время я оставалась в неведении. Первая встреча с этим фактом: мы с мамой читаем адресованное папе письмо от Лены, почему-то лежавшее на письменном столе в моей комнате. Главный смысл письма – упреки папе, что он слишком заботится обо мне в ущерб интересам Лены. Шок от чтения этого письма ощущаю до сих пор чуть ли не физически. Возможно, что смертельно оскорбленная папиной изменой мама сознательно показала мне это письмо. Главной цели она достигла: я стала после этого еще более верной опорой мамы и прекратила общение с отцом.

Лишь повзрослев, спустя годы, я начала понимать, что вся эта история гораздо сложнее, чем мне казалась в 12 – 13 летнем возрасте. Эпопея «расхождения» родителей, мучительная для обеих сторон, продолжалась несколько лет. Завершилась она, когда папа женился на вдове погибшего на фронте литератора Бориса Яглинга – Эмине. Я вновь начала общаться с отцом в студенческие годы. Еще больше мы сблизились и стали бывать друг у друга после моего замужества.

Катериша

Закончив 4-й класс в 110 школе, оставившей в моей душе тяжелые воспоминания, с 5-го класса и до окончания я училась в 29-й школе Фрунзенского района, в котором и жила. Директором школы была Екатерина Васильевна Мартыанова – маленькая худенькая старушка с короткими волосами, зачесанными назад гребнем, отличавшаяся крайне суровым нравом. В Москве она считалась одним из лучших директоров школ города. На ее неизменно строгом пиджаке красовался орден Ленина. Все ученицы (это была в то время женская школа) смертельно боялись ее. Но, как это часто бывает, в ее поведении, а значит и в характере, было много противоречивого. С одной стороны, в школе всячески насаждались ханжество и лицемерие. На всю жизнь запомнилось, как школа принимала частых гостей-иностранцев. При их встрече раскатывались ковровые дорожки, произносились фальшивые речи. Мы с девочками потом обыграли этот момент в шараде: одна из нас раскатывала перед гостями дорожку, а другая за их спиной тут же ее сворачивала.

Но, с другой стороны, Катериша, как мы ее звали за глаза, проявила истинный героизм, когда во время экзамена на аттестат зрелости дала возможность подправить в сочинении то ли запятую, то ли что-то подобное – теперь уже точно не помню – девочкам-еврейкам, которые «шли» на медаль. Ведь это был 1949 год, разгар государственного антисемитизма, когда от отметок зависела наша последующая судьба. Таким образом, благодаря Катерише мы таки получили медали (я – золотую, а Наташа Гноенская – серебряную). И поступили: я – на истфак МГУ, Наташа – в медицинский.

Исторический факультет

Моя учеба на истфаке первые два года была очень своеобразной: я сдавала экзамены (в основном на пятерки), писала курсовые работы и все благополучно забывала. Интереснее всего была веселая общественная жизнь, поездки в колхоз, много новых друзей. Дружба была действительно настоящей и со многими сохранилась до сегодняшнего дня. Я «выдвинулась» на общественном поприще: стала комсоргом группы. Пребывание в этой должности запомнилось мне лишь благодаря парадоксальной истории, в которой сосредоточились все особенности тогдашней жизни страны. В нашей группе учился Герман Галкин. Отец его возглавлял КГБ Куйбышевской области. Тем не менее Герман был симпатичным парнем. В марте 1953 года, когда главным событием в стране стала болезнь Сталина, у Германа разворачивалась личная драма. Он был влюблен в девочку-еврейку, а его семья, разумеется, категорически возражала против этого романа. На истфак приехал посланец отца Германа и вел беседы, в частности, со мной о необходимости

«оторвать» его от этой девочки. Герман дошел до того, что попытался покончить с собой. Но самоубийство не удалось. Кончилось тем, что он сдался и порвал с девочкой.

После сообщения о смерти Сталина на истфаке объявили траур. Кому-то из ребят вынесли выговор за то, что в день смерти пошел в читальный зал. Галкину комсомольское собрание факультета объявило строгий выговор с предупреждением. Так закончилась эта история – свидетельство крайней степени «оболванивания» советских людей.

Италия

На третьем курсе, когда началась специализация по странам, я выбрала Италию. Интерес к этой стране у меня был связан, как почти все хорошее в моей жизни, с мамой. Случайное стечение обстоятельств привело ее к знакомству в санатории с группой историков, среди которых была Каролина Франческовна Мизиано, дочь одного из основателей Итальянской компартии. Курортное знакомство переросло в тесную дружбу. Мама вместе со мной часто бывала в гостях у семьи Мизиано, подружилась также с сестрой Каролины Орнеллой. Именно в их доме зародился и окреп мой интерес к Италии. Особенно он подогревался общением с постоянными гостями этого семейства: итальянскими журналистами, политическими деятелями, главным образом, коммунистами. Каролина Франческовна преподавала на кафедре Новой истории истфака МГУ. Так что естественным шагом было мое поступление на эту кафедру по специальности «Новая история Италии». Так определилась моя профессиональная дорога. Итальянский язык давался мне легко, поэтому спустя немного времени я могла уже читать труды итальянских историков.

Однако исполнения заветной мечты – побывать в Италии – мне пришлось ждать еще многие годы. Но такой момент все же наступил. Благодаря расширению и углублению русско-итальянских связей в 60-е годы стали проводиться ежегодные конференции советских и итальянских историков. Мне довелось участвовать и выступать на всех конференциях, состоявшихся в Италии – в Риме, Венеции, Неаполе и Генуе.

Последняя советско-итальянская конференция, состоявшаяся в 1995 году в Неаполе, была посвящена А.И.Герцену. Меня пригласили участвовать в этой конференции, хотя к этому времени я уже почти пять лет была на пенсии и жила в Израиле. Мое выступление на тему: «Герцен и Италия» явилось своего рода итогом многолетней работы в Институте всеобщей истории АН СССР. Ведь проблематика русско-итальянских связей на протяжении XIX-XX веков была одной из центральных тем моих статей и двух монографий: «Движение карбонариев в Италии» (М. Наука, 1971) и «Италия в борьбе за национальную независимость и единство» (М. Наука. 1981). Обе эти книги были созданы на основе кандидатской и докторской диссертаций, защищенных в 1969 и 1979 годах.

Алена

Закончить рассказ о себе хочу историей моей названной сестрички Алены. В конце 1943 года Владимир Яхонтов и Елизавета Лойтер приехали на гастроли в только что освобожденный от немцев Харьков. Помимо концертов перед мамой стояла сложнейшая задача: по просьбе ее подруги Анны Зиновьевны Стоновой попытаться найти в Харькове следы ее племянницы. Дело в том, что в Харькове до войны жила ее родная сестра Бэла, не успевшая эвакуироваться и оказавшаяся в захваченном немцами городе с двухлетней дочкой Аленой. Было доподлинно известно, что Бэлу расстреляли немцы в первые же дни оккупации. О судьбе же Алены ничего не удавалось узнать.

Некоторым подспорьем для начала поисков была смутная информация об отце Алены, белорусе Николае Волосевиче, который после ареста Бэлы исчез из города. Было неизвестно, то ли он сам добровольно ушел с немцами, то ли был насильно угнан. Впоследствии подтвердилась вторая версия: он погиб в концлагере. На окраине Харькова жили его родители, но их адреса у Анны Зиновьевны не было. Лишь приблизительно был известен район, где можно было попытаться их искать.

И вот мама стала каждый день ездить в тот район и посещать расположенный там базар в надежде, что кто-нибудь из торговков сообщит о местонахождении старших Волосевичей или их судьбе. Теперь представим себе картину: по базару ходит никому не известная женщина, резко отличающаяся от местных жителей, явная еврейка. И если иметь в виду, что многие украинцы сотрудничали с немцами, не говоря уже о почти повсеместной неприязни к евреям, то легко догадаться, что в ответ на мамины расспросы торговки поджимали губы и говорили: «Ни, ничего не знаем».

Бесплодные поиски продолжались несколько дней. Приближался день отъезда. И вот однажды у мамы, человека острого ума, способного на импровизации, появилась неожиданная идея. Придя в очередной раз на рынок, она приблизилась к одной из торговков и прошептала: «Вы не проводите меня к Волосевичам? Я привезла им вести от сына». И тогда, наконец, маме показали полуразвалившуюся хату, находившуюся в двух шагах от рынка.

Когда мама вошла в эту хату, ее поразили нищета и запустение. На полу сидела худенькая малышка в лохмотьях и смотрела на маму огромными карими глазами. Мама объяснила, что она приехала из Москвы от сестры Бэлы, Анны Зиновьевны, которая готова удочерить девочку. Бабушка рассказала о всех невзгодах, которые им пришлось пережить при немцах. Они боялись, что немцы расправятся с ними, если узнают, что у них живет ребенок матери-еврейки. По требованию деда, девочку отдали в детский дом, где из-за голода и болезней она перестала разговаривать. Сердобольная бабушка, невзирая на

скандалы деда, забрала Алену из детдома. Слава Богу, дожили до ухода немцев. Но и теперь им не хватает денег ни на еду, ни на одежду.

Старики тут же, без всяких колебаний, отдали девочку маме. В гостинице мама отмыла Алену и одела в свою пижаму. В таком виде она и поехала в Москву. В дороге мама давала Алене понемногу – ложечку-другую – меда (боялась перекармливать изголодавшегося ребенка), а та каждый раз, показывая на банку с медом, спрашивала: «А это на завтра, да?». Мою маму она стала сразу называть «мама Леля», в отличие от удочерившей ее вскоре «мамы Ани».

Итак, Алена стала любимой младшей дочкой в семье Стоновых. Я же ее воспринимала как мою младшую сестренку. Я часто бывала у Алены на Лаврушинском. Она с нетерпением ждала меня и даже плакала, когда я приходила позже, чем обещала. Иногда накануне выходных дней я брала Алену из литфондовского детского сада, и мы ехали к нам домой, на Плющиху. Там нас уже ждала мама Леля. Звучал рояль. Под его звуки мы пели, танцевали, играли в разные игры – в общем, от души веселились.

Шли годы. Алена росла, окруженная теплой заботой членов стоновской семьи. Долгое время она не знала о драматичной истории своего появления в Москве. Когда она уже кончала школу, во дворе их дома нашлись соседи, «просветившие» девочку. Однако Алена всегда считала себя членом семьи Стоновых, и даже отказалась познакомиться со своим братом по отцу Георгием Владимовым, известным писателем-диссидентом.

Алена окончила Институт тонкой химической технологии, работала по специальности. Вышла замуж за Льва Кричевского, родила дочь Олю. В конце 70-х годов в семье Стоновых созрело решение репатриироваться в Израиль. Но осуществить это удалось лишь в 1989 году, после многолетней борьбы, в которой Алена возглавляла организацию женщин-«отказниц». В начале 1991 года приехала в Израиль и моя семья. С тех пор мы много общались с Аленой, и я вновь смогла оценить прекрасный характер и добрейшую душу этой женщины. Все было благополучно до 1994 года, когда она крайне тяжело заболела и в мае 1995 года умерла. В нашей памяти навсегда остался ее светлый облик.